

© 2023

Ксения Завьялова

ведущий экономист Института экономики Уральского отделения
Российской академии наук (г. Екатеринбург, Россия)
(e-mail zavialova.ka@uiec.ru)

МЕЖСТРАНОВОЕ НЕРАВЕНСТВО КАК ФАКТОР, ПРЕПЯТСТВУЮЩИЙ УГЛУБЛЕНИЮ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ЕАЭС

В статье проведен сравнительный анализ уровня и динамики основных экономических показателей стран-членов ЕАЭС, иллюстрирующий стабильно высокий уровень межстранового неравенства, что является одной из причин, сдерживающих устойчивое развитие евразийской интеграции. Предложены пути к углублению экономической интеграции в ЕАЭС в условиях сохраняющегося неравенства.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, евразийская интеграция, межстрановое неравенство, экономическое неравенство.

DOI: 10.31857/S020736760025986-3

Практически одновременно с распадом СССР бывшие союзные республики столкнулись с необходимостью поиска новых форм и механизмов взаимовыгодного сотрудничества уже в статусе независимых государств. Создаваемые ими на протяжении всех 30 лет двусторонние и многосторонние интеграционные проекты обусловлены объективными потребностями, во-первых, компенсировать последствия разрушения некогда единых хозяйственных связей, а во-вторых, соответствовать реалиям глобализации.

На сегодняшний день на постсоветском пространстве интеграционное взаимодействие наиболее активно развивается в рамках созданного в 2015 году Евразийского экономического союза (ЕАЭС), фундамент которого был заложен еще в 1995 году, когда было заключено Соглашение о создании Таможенного союза между Россией, Казахстаном и Беларусью. В настоящее время в состав ЕАЭС, помимо названных стран, входят также Армения и Кыргызстан. В соответствии с Договором о ЕАЭС, страны должны стремиться к промышленному сотрудничеству и кооперации, формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов; к гармонизации макроэкономических политик и формированию единого экономического пространства, обеспечивая тем самым рост конкурентоспособности национальных экономик в условиях всемирной глобализации¹. Однако на практике поставленные цели

Работа выполнена в соответствии с планом научных исследований Института экономики УрО РАН на 2023 год.

¹ «Договор о Евразийском экономическом союзе» (подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 01.10.2019). url: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_163855/.

не реализуются в должном объеме, процессы интеграции проходят волнообразно, периодически пробуксовывают и стагнируют. Эксперты отмечают неудовлетворительный рост торгово-экономической связности стран [1], отсутствие синхронности в работе по гармонизации национальных законодательств [2, 7].

Среди основных причин, препятствующих углублению евразийской интеграции, особое место занимает существующий разрыв в уровнях социально-экономического развития стран-участниц [3, 5, 10]. Очевидное лидерство России по масштабам и динамике некоторых показателей социально-экономического развития оказывает негативное влияние на выстраивание доверительных отношений, порождает у других партнеров предубеждение против чрезмерного доминирования России в формирующихся наднациональных органах и страх утраты собственного суверенитета.

Вместе с тем потребность налаживать взаимное сотрудничество и развивать наднациональные институты в евразийском пространстве актуализирует исследования в области неравенства стран с целью поиска действенных механизмов выравнивания их социально-экономических различий, построения гармоничных и взаимовыгодных экономических отношений.

Фундамент теоретических исследований территориального (внутристранового и межстранового) неравенства был заложен с середины XIX века в трудах основателей теории размещения производительных сил И.Г. фон Тюнена, В. Лаунхардта, А. Вебера, В. Кристаллера и А. Лёша, изучавших закономерности пространственного развития на микро- и мезоэкономических моделях [8]. В этих моделях неравномерное развитие территорий и регионов рассматривалось как временное отклонение от равновесия, как следствие разного ресурсного потенциала территорий, как результат несовершенной конкуренции или последствие влияния других эндогенных и экзогенных факторов. При этом постулировалось, что в долгосрочной перспективе уровни социально-экономического развития стран и регионов стремятся к сближению.

Рост глобализационных процессов в мире во второй половине XX века стал причиной интереса к изучению закономерностей развития более масштабных пространств (крупных регионов, государств, групп государств, в том числе – их интеграционных проектов). В этот период независимо друг от друга исследователи также уходят от классических равновесных моделей экономического развития, формируя на смену им «модели кумулятивного роста» (Г. Мюрдаль, Т. Хегерstrand, А. Хиршман, Дж. Фридман, Ж. Р. Будвиль, Ф. Перру и др.), теории «новой экономической географии» (П. Кругман, Дж. Харрис, Э. Венаблес, Т. Мори, Е. Глейзер, Д. Вайнштайн и др.) и так называемые «другие теории регионального роста» (П. де ла Курт, В. Зомбарт, Х. Иннис, А. Фишер, К. Кларк и др.) [9]. Были выдвинуты идеи о том, что равновесие экономических систем недостижимо и может носить лишь временный характер, что процесс соци-

ально-экономического развития регионов бесконечен, и под влиянием множества факторов уровни их развития в разные периоды могут сближаться или расходиться относительно друг друга.

В той или иной мере диспропорции социально-экономического развития наблюдаются в большинстве стран мира, однако наиболее остро эту проблему ощущают страны, обладающие значительной государственной территорией. Поэтому закономерно весомый вклад в развитие теории пространственной организации экономических систем и неравномерности развития пространств внесли советские и, позже, российские ученые: И.Г. Александров, Н.Н. Колосовский, Я.Г. Фейгин, Ю.Г. Саушкин, Н.Н. Баранский, М.Д. Шарыгин, М.К. Бандман, А.Т. Хрушев, А.Г. Гранберг, П.А. Минакир, А.И. Татаркин, Р.И. Капелюшников, Н.В. Зубаревич, Т.П. Скуфьина, С.Ю. Глазьев, М.Л. Дорофеев, И.С. Салихова и многие другие.

Последние десятилетия в отечественной научной литературе прослеживается стабильный интерес исследователей к теме сравнительного анализа экономик постсоветских государств, в том числе — неравномерности их развития. Например, в работах О.И. Шкаратана, Л.Б. Вардомского, С.Ю. Глазьева, Р.С. Гринберга, Д.И. Ушкаловой, Е.Б. Бедриной, Ю.Л. Бельского, Д.А. Чупиной, А.В. Казаковой, А.А. Акаевой и многих других.

Как обобщающая экономическая категория *межстрановое неравенство* показывает, что между сравниваемыми объектами (странами, группами стран) на определенном временном отрезке зафиксировано некоторое расхождение значений одинаковых (сопоставимых) социально-экономических индикаторов.

Поскольку социально-экономическое развитие представляет собой непрерывный процесс, то и неравенство — категория, в которой важнее тренд, а не ее абсолютное значение в некий момент времени. В зарубежной и отечественной экономической науке процессы сближения социально-экономических параметров исследуемых объектов принято обозначать термином *конвергенция*. Противоположный процесс расхождения (разрыва) значений параметров — термином *дивергенция*. Так, преобладание процессов дивергенции индикаторов социально-экономического развития сигнализирует о наличии (и / или углублении) социально-экономического неравенства исследуемых объектов. Напротив, чем интенсивнее проходят процессы конвергенции, тем более однородными и равновесными становятся рассматриваемые системы [13].

Практически во всех исследованиях неравенства между странами используется показатель валового внутреннего продукта на душу населения. А также иные показатели, влияющие на динамику социально-экономического развития.

Это могут быть среднемесячная заработная плата, уровень безработицы, инвестиции в основной капитал или специальные интегральные показатели, например, индекс развития человеческого капитала, индекс Джини, коэффициент фондов и прочее.

Выбор индикаторов является одним из ключевых этапов исследования. Во-первых, необходимо учитывать доступность и качество баз данных. Так, методики сбора и обработки данных в постсоветских странах могут отличаться друг от друга и от требований международных стандартов, что порой затрудняет или исключает возможность сравнения [12]. Во-вторых, среди доступных показателей важно выбрать те, содержание которых будет соответствовать задачам исследования. Использование небольшого числа показателей или их концентрация в одной «смысловой группе» неизбежно приводит к необходимости конкретизировать понятие неравенства, под которым исследователи могут, например, понимать, в узком смысле, неравенство стран по уровню доходов, расходов, либо неравенство в распределении богатства [11]; неравенство уровня жизни [12].

Большинство исследователей сходятся во мнении, что неравенство является многоаспектной категорией, а значит — и вопросы, которые ставит перед научным сообществом такое явление, как межстрановое неравенство, также многогранны и многоаспектны [15]. Исследователей интересуют вопросы: в чем причины неравенства, как его измерить, к каким последствиям оно приводит и как можно управлять процессами дивергенции и конвергенции в экономическом развитии стран.

Сегодня в экономической теории пространственное неравенство стран, групп стран, а также регионов внутри одной страны рассматривается как закономерное и неизбежное следствие неравномерного распределения конкурентных преимуществ, в результате которого образуются территории с условиями, благоприятными для развития экономической активности или, напротив, территории с дефицитом либо полным отсутствием возможностей для формирования конкурентных преимуществ [6].

Одним из первых систематизировал конкурентные преимущества территорий П. Кругман, разделив все факторы на две группы: первой и второй природы [4]. Факторы «первой природы» составляют те преимущества, которые не зависят от деятельности человека. И это, во-первых, обеспеченность природными ресурсами (минеральными, земельными, водными, лесными и др.), а во-вторых, географическое положение (рекреационные, транспортно-логистические возможности территории, наличие альтернативных источников энергии и др.).

Факторы «второй природы» — это преимущества, формирование которых зависит от деятельности человека (общества), в том числе — от его умения распоряжаться факторами «первой природы». К ним относятся человеческий капитал (здоровье, образование и трудовые компетенции, мобильность населения); агломерационный эффект (плотность населения, достаточная для развития интенсивной хозяйственной деятельности, специализации территории и получения экономии на масштабе); институциональная среда (правила и нормы, способствующие интенсивному экономическому развитию, улучшению предпринимательского климата, стимулирующие создание и распространение инноваций и др.), а также

уровень развития инфраструктурных отраслей (транспорта, энергетики, образования, здравоохранения; уровень цифровизации экономики и др.).

Комбинация этих факторов в разной степени влияет на динамику развития стран, в том числе относительно друг друга, формируя диспропорции в уровнях их социально-экономического развития. В общественном представлении отношение к неравенству, как правило, отрицательное. Однако развитие гипотезы о негативном влиянии неравенства на социально-экономическую динамику, в том числе, интеграционных объединений, не всегда находит подтверждение в теоретических исследованиях [19].

Тем не менее в научных исследованиях и практике доминирует мысль о необходимости постоянного мониторинга трендов неравенства и разработки эффективных инструментов и механизмов управления процессами конвергенции развития стран, поскольку процессы дивергенции могут не только препятствовать эффективному и сбалансированному взаимодействию государств, но и могут стать причиной конфликтов, стимулировать рост напряженности, способствовать снижению деловой активности [16, 17, 18].

Цель исследования — проанализировать процессы дивергенции и конвергенции стран-членов ЕАЭС, выявить возможные точки сближения, необходимые для углубления экономической интеграции государств.

Исследование проводилось в несколько этапов.

На первом этапе был произведен отбор показателей, отражающих уровень социально-экономического развития сравниваемых государств.

Информационная база исследования была сформирована на основе официальных статистических данных, подготовленных Департаментом статистики Евразийской Экономической Комиссии, данных Всемирного Банка, отчетах ООН о развитии человеческого потенциала, а также официальных данных органов статистических служб стран-членов ЕАЭС.

На втором этапе была проведена систематизация показателей, в основу которой легла классификация факторов конкурентных преимуществ территорий П. Кругмана. В результате были получены семь групп показателей, объединенных в три блока (табл. 1).

На третьем этапе был проведен сравнительный анализ показателей, относящихся к блоку «факторы первой природы», и некоторых факторов «второй природы». Такой метод был выбран в связи с тем, что данные показатели являются постоянными или условно-постоянными, то есть не имеют ярко выраженной динамики во времени.

На четвертом этапе был проведен анализ ВВП стран по ППС, а также проанализированы показатели, относящиеся к блоку «факторы второй природы».

Таблица 1

Показатели для оценки межстранового неравенства стран ЕАЭС

Блок показателей	Показатель	Содержание показателя
	ВВП на душу населения по ППС (долл. США)	Отражает уровень экономической активности государства и качество жизни его населения.
<i>Факторы «первой природы»</i>		
<i>Обеспеченность природными ресурсами</i>	Площадь, км ²	Абсолютный показатель, не отражает качество и освоенность земель, но тем не менее косвенно влияет на значение многих факторов и формирует потенциал для диверсификации отраслей экономики.
	Общая посевная площадь, тысяч га	Влияет на потенциальные объемы и разнообразие продукции растениеводства, а также оказывает косвенное влияние на развитие сельского хозяйства в целом.
	Добыча отдельных видов полезных ископаемых	Важность определяется высокой долей минеральных продуктов (более 50%) в товарной структуре экспорта стран ЕАЭС во внешней торговле с третьими странами.
<i>Географическое положение</i>	Транспортные евроазиатские коридоры (ЭПШП)	Показывают потенциальную вовлеченность государств в важнейшие для евразийского континента проекты транспортной инфраструктуры.
	Выход к морским путям	Обеспечивает доступ к морским ресурсам, а также позволяет развивать морской транспорт, который отличает относительно низкая себестоимость, большая грузоподъемность и возможность доступа в любые точки мира.
	Рекреационные ресурсы	Природные и историко-культурные ресурсы, необходимые для развития внутреннего и международного туризма.
<i>Факторы «второй природы»</i>		
<i>Человеческий капитал</i>	Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП)	Интегрирует основные компоненты человеческого потенциала (уровень жизни, грамотность, образование и состояние здоровья) страны.
	Уровень бедности	Доля населения страны с доходами (Беларусь, Казахстан, Россия) или уровнем потребления (Армения, Кыргызстан) ниже определенной величины (прожиточного минимума либо общей линии бедности).

Окончание таб. 1

	Коэффициент фондов	Показывает неравномерность распределения доходов в обществе (отношение среднего уровня доходов 10% самого богатого населения к среднему уровню доходов 10% самого бедного населения).
	Потребительские расходы домашних хозяйств	Является одним из показателей, отражающих уровень благосостояния населения и качество его жизни; влияет на развитие.
	Уровень безработицы МОТ	Доля экономически активного населения, не имеющего работу, но готового приступить к ней. Высокие значения приводят к негативным последствиям как для населения (например, снижение доходов, потеря квалификации), так и для экономики государства (например, уменьшение налоговых поступлений в бюджет, увеличение социальных расходов, отрицательное влияние на динамику ВВП).
Агломерационный эффект	Плотность населения, чел. на км ²	Характеризует уровень освоения территории, возможности для эффективного размещения производства.
	Крупные города и городские агломерации	Города с населением более 500 тыс. и 1 млн человек, которые часто формируют с близлежащими поселениями целые группы, объединенные общими производственными, инфраструктурными, трудовыми, образовательными и культурно-бытовыми связями.
Институциональная среда	Рейтинг сложности стран ЕСІ	Комплексный показатель производственного потенциала государства, содержащий информацию о разнообразии и сложности его экспорта.
	Доля внутренних затрат на научные исследования и разработки в ВВП страны	Характеризует затраты государства на научную деятельность в сфере создания инноваций.
	Инвестиции в основной капитал	Формируют необходимую базу для инновационного развития экономики и внедрения в производство новых технологий.
Инфраструктура	Производство электроэнергии-брутто	Выработка электрической энергии всеми станциями с учетом расхода электрической энергии на собственные нужды.
	Грузооборот	Отражает объем работы транспортной системы по перевозке грузов на определенные расстояния.
	Информационно-коммуникационная инфраструктура	Формирует необходимые условия для создания, обработки, хранения и передачи информации.

Источник: составлено автором.

Для оценки неравномерности динамики показателей социально-экономического развития территорий (регионов и государств) в экономической литературе широко используется коэффициент σ -конвергенции, который проявляется в сокращении межстранового разброса показателя с течением времени [21, 24]:

$$\sigma_t > \sigma_{t+T}, \quad (1)$$

где σ_t — значение величины коэффициента конвергенции в момент времени t .

Для измерения меры конвергенции нами был использован коэффициент вариации (V), который позволяет оценить степень неоднородности исследуемых показателей независимо от их масштаба и единиц измерения [22]:

$$V = \frac{\sigma}{\bar{x}} \cdot 100\%, \quad (2)$$

где σ — это среднее квадратичное отклонение (мера рассеивания значений индикатора по итогам одного периода относительно среднего его значения по итогам того же периода);

$\bar{x}$ — среднее значение индикатора за период (в нашем исследовании периодичность данных — 1 год).

Среднеквадратичное отклонение, которое показывает абсолютное отклонение значений индикатора от его среднеарифметического, рассчитывается по формуле:

$$\sigma = \sqrt{\frac{\sum_{i=1}^n (x_i - \bar{x})^2}{n}}, \quad (3)$$

где x_i — это значение индикатора за период;

n — количество сравниваемых субъектов (в нашем исследовании 5 государств).

Для оценки значений коэффициента вариации были учтены нормы, принятые в статистике. Совокупность считается однородной, если коэффициент вариации ниже 20%; достаточно разнородной в пределах 20–33% и разнородной, если коэффициент вариации свыше 33% [23. С. 58].

На пятом этапе были сформулированы основные выводы по результатам исследования и предложены возможные варианты углубления экономической интеграции в ЕАЭС в условиях сохраняющегося неравенства.

Страны-члены ЕАЭС существенно отличаются друг от друга и по уровню ВВП на душу населения, и по темпам его роста (рис. 1).

Для всех государств первое десятилетие суверенного хозяйствования — это период сильнейшего экономического кризиса, сопровождавшегося падением ВВП. Первоначально после распада СССР наиболее близки между собой по объему были

экономики России и Казахстана (на уровне 6–8 тыс. долл. на человека), а также Армении и Кыргызстана (на уровне 1,5–2,5 тыс. долл. на человека). В начале 2000 гг. в странах наметилась тенденция к более интенсивному росту ВВП на душу населения и одновременно к расхождению их уровней относительно друг друга.

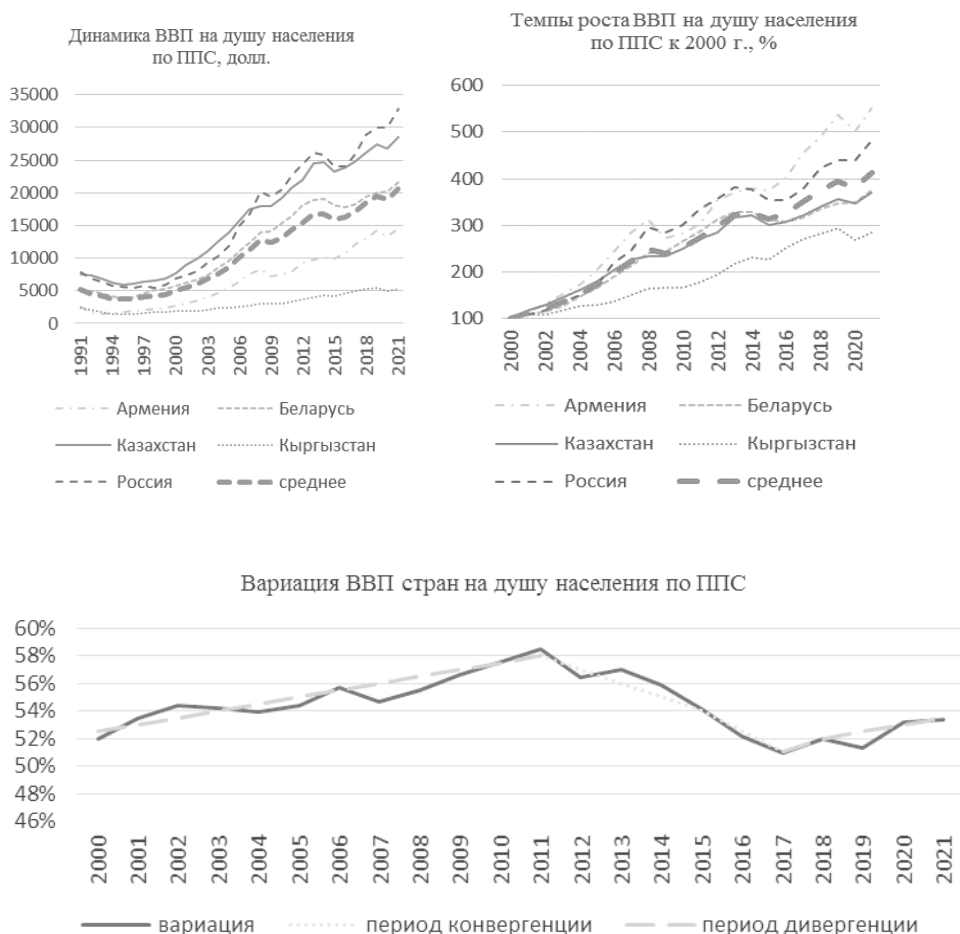

Рис. 1. ВВП на душу населения по ППС в постоянных ценах 2017 г.

Источник: составлено автором на основе данных Всемирного Банка. URL: <https://data.worldbank.org/>

В абсолютном выражении (в долларах) по размеру ВВП на человека верхние позиции продолжают удерживать Россия и Казахстан, в 2021 г. их ВВП на душу населения превышал среднее значение по ЕАЭС в 1,5 и 1,4 раза соответственно. Динамика ВВП Республики Беларусь практически совпадает со средним значением по ЕАЭС. Ниже среднего значения ВВП на душу населения у Армении и Кыргызстана. Однако за последние 20 лет Армения показала максимальные

темпы роста ВВП (в 2021 году прирост показателя составил 551% к его значению в 2000 году), опередив и Россию (481%), и Казахстан (370%), и Беларусь (374%), что в абсолютном выражении позволило Армении существенно приблизиться к средним значениям ВВП на душу населения по всем странам, входящим в ЕАЭС, и увеличить разрыв с Кыргызстаном.

Несмотря на наличие положительной динамики ВВП на душу населения во всех государствах, устойчивой конвергенции их экономик так и не произошло. По динамике коэффициента вариации ($>50\%$) за 21 год можно выделить три периода (рис. 1). С 2000 по 2011 г. между странами увеличивается неравенство по уровню ВВП на душу населения, что свидетельствует о дивергенции. В период с 2011 по 2017 гг. коэффициент вариации снижается ($\sigma_t > \sigma_{t+1}$), неравенство между странами сокращается, что свидетельствует о конвергенции их экономик. Однако с 2017 г. коэффициент вариации вновь растет, что говорит о новом периоде дивергенции между странами.

Существенное влияние на динамику межстранового неравенства оказывают факторы «первой природы» (табл. 2).

Таблица 2

**Некоторые факторы «первой природы» стран членов ЕАЭС
(по данным за 2019 г.)**

	Россия	Беларусь	Казахстан	Армения	Кыргыз- стан
Земельные ресурсы					
Площадь, км ² (% от ЕАЭС)	17 098 246 (84,4)	207 600 (1)	2 724 900 (13,4)	29 743 (0,2)	199 951 (1)
Общая посевная площадь, тыс. га (% от ЕАЭС)	79880,5 (73)	5901,9 (5,4)	22135,8 (20,2)	286,9 (0,3)	1216,7 (1,1)
Транспортные евроазиатские коридоры ЭПШП					
Северный	+	+	—	—	—
Центральный	+	+	+	—	—
Север-Юг	+	—	+	—	—
Выход к морским путям	+	—	—	—	—
Добыча отдельных видов полезных ископаемых					
Нефть сырая, млн т	560,8	1,7	90,5	—	0,2
Уголь, млн т	439,2	—	115,4	—	2,5
Газ природный, млрд м ³	738,4	0,2	56,4	—	0,02
Концентрат желе- зородный, млн т.	97,5	—	11,7	—	—

Источник: составлено автором по материалам: Евразийский экономический союз в цифрах: краткий статистический сборник; Евразийская экономическая комиссия // Москва: 2020. — 213 с. URL: https://istmat.info/files/uploads/63565/evraziyskiy_ekonomicheskij_soyuz_v_cifrah_2020.pdf

Неоспоримое преимущество России по размерам ее территории (занимает 84,4% от всей территории ЕАЭС, в 575 раз превосходит по размерам Армению) дает государству больше возможностей для развития экономики.

Россия относится к странам мира с самыми богатыми природными ресурсами. Закономерно, что по запасам, добыче и экспорту различных видов полезных ископаемых Россия существенно опережает все страны Союза, включая второе по размеру государство – Казахстан.

Обширная территория дает возможность для формирования и развития рекреационного потенциала: очевидно, чем больше площадь государства, тем многочисленнее и разнообразнее могут быть природные и культурные объекты. Мировая практика последних десятиков лет имеет множество примеров того, как развитие туристической отрасли становилось одним из мощных драйверов экономического развития отдельных стран, а также способствовало постконфликтному восстановлению, так как представляет внутренним и иностранным туристам возможность познакомиться не только с красотами природы, архитектуры, но и прочувствовать и понять культурное наследие государства [20].

Развитие рекреационного потенциала государства (а также его экономического потенциала в целом) напрямую зависит от состояния транспортной системы. Однако и здесь возможности для развития между странами ЕАЭС распределены неравномерно. Из всех государств только Россия имеет прямые выходы к Мировому океану и возможности развивать внутренний водный транспорт за счет большого количества судоходных рек. В то же время территории Армении и Кыргызстана полностью располагаются в бассейнах бессточных водоемов. Помимо этого Армения и Кыргызстан в некоторой степени оказались в транспортной изоляции, прежде всего в результате их неучастия в основных международных инвестиционных проектах по развитию транспортных коридоров между Европой и Азией (например, ЭПШП).

Мировой опыт знает немало примеров, когда государства, обладая ограниченным количеством географических преимуществ и природных ресурсов, становились крупнейшими экономиками мира. В современных реалиях повышается значимость факторов «второй природы». Экономическое развитие должно опираться на инвестиции в человеческий капитал, развитие инфраструктуры и модернизацию институтов [6].

Состояние человеческого капитала в странах ЕАЭС оценивается исследователями неоднозначно [25]. Практически все страны постсоветского пространства сталкиваются со схожими проблемами в вопросах формирования, развития и использования человеческого капитала. Вместе с тем человеческий потенциал, несомненно, является одним из краеугольных элементов базиса, необходимого для интенсивного инновационного экономического развития всех стран-членов Союза.

Во многом благодаря наследию Советского Союза, десятилетиями культивировавшего приоритет всеобщей грамотности и образованности во всех слоях

населения, а также благодаря взятому в последние годы курсу на модернизацию экономики на принципах инновационного развития, сегодня страны ЕАЭС занимают достаточно высокие позиции в международных рейтингах оценки человеческого капитала. Так, по динамике Индекса развития человеческих ресурсов (ИРЧП) уже несколько лет Беларусь, Казахстан и Россия входят в группу стран с рейтингом Very high (≥ 0.800), и достаточно близка к этой группе Армения. Существенно отстает по данному показателю Кыргызстан, но тем не менее он занимает прочную позицию в группе стран с рейтингом Medium (0.550–0.699). Несмотря на то что вариация стран по ИРЧП имеет четкий тренд дивергенции, значение колеблется в диапазоне 5–7% — следовательно, можно утверждать, что по данному индикатору страны достаточно близки друг к другу (однородны) [23].

Высокий рейтинг ИРЧП в большей степени обусловлен количественными показателями (в частности, охватом большого количества населения высшим образованием), и в меньшей степени — качественными показателями, динамике которых мешает целый комплекс достаточно однотипных для всех стран Союза проблем. Среди них, например, рост количества платных образовательных программ, который не всегда сопровождается их высоким качеством; дефицит выпускников со средним специальным и профессионально-техническим образованием; преобладание гуманитарных профессий над профессиями инженерно-технического профиля; отсутствие эффективных и работающих связей между образованием, наукой и производством и другие.

О диспропорциях состояния систем формирования и развития человеческого капитала в странах-членах ЕАЭС свидетельствует тот факт, что почти 90% всех студентов (по данным за 2020 / 2021 гг.)², прибывших из стран ЕАЭС, выбирает для получения образования Россию, и эта доля не снижается многие годы. Россия также остается центром притяжения трудовых мигрантов из стран-партнеров ЕАЭС, и наряду лишь с Республикой Беларусь имеет положительное сальдо международной миграции (429,9 тыс. человек в 2021 г. и 13,9 тыс. человек в 2019 г. соответственно)³.

На формирование и использование человеческого капитала существенное влияние оказывают условия и качество жизни в стране. Для всех стран ЕАЭС среди главных проблем до сих пор остаются высокий уровень бедности населения и сильная поляризация в обществе по доходам, которые оказывают негативное влияние не только на качество человеческого капитала, но и на динамику социально-экономического развития в целом, снижая запросы общества (в том числе, на инновационные продукты) и провоцируя его нестабильность.

По динамике коэффициента вариации показателей, характеризующих состояние человеческого капитала в странах Союза, можно констатировать преобладание процессов дивергенции (рис. 2).

² Рассчитано автором на основе данных Департамента статистики ЕАЭС. — URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/union_stat/Pages/default.aspx

³ Там же.

Одной из важнейших проблем для стран-членов ЕАЭС является проблема бедности населения. Наиболее остро она стоит в России и Армении. Более четверти населения этих стран находится за чертой ниже величины прожиточного минимума. При этом высокий уровень бедности в России парадоксально сочетается не только с высоким уровнем образованности населения, но и с достаточно низким процентом безработицы в стране. Наибольших успехов в борьбе с бедностью удалось добиться Казахстану, который за 15 лет сократил уровень бедности более чем в 6 раз. Важно отметить, что черта бедности (или величина прожиточного минимума) устанавливается правительствами государств и может существенно различаться, но тем не менее оказывает влияние на качество жизни населения, разнообразие и доступность потребляемых благ. Так в 2020 г. этот показатель в Армении составлял 110, в Казахстане — 80, в Кыргызстане — 74, в Беларуси — 103, в России — 157 долларов на человека.

Несмотря на то что денежные доходы, а также (что закономерно) расходы домашних хозяйств в России в период 2013–2015 гг. резко упали примерно в 1,7–1,8 раза, и так и не восстановились до прежних значений, Россия продолжает быть страной с самыми высокими в ЕАЭС доходами / расходами на душу населения. Так, по данным за 2020 г. доходы россиян были выше в 2,9 раза по сравнению со средними значениями по ЕАЭС без России и в 5,9 раза выше, чем в Кыргызстане. Однако можно отметить небольшую тенденцию к конвергенции стран Союза по динамике потребительских расходов на человека — главным образом за счет роста данного показателя в Беларуси и Казахстане.

При довольно высоком уровне среднедушевых денежных доходов в масштабе ЕАЭС в России устойчиво высокие значения коэффициента фондов, что говорит о крайне неравномерном распределении доходов среди населения. Аналогичная ситуация характерна для Армении. Наиболее благополучно и равномерно доходы распределены в Беларуси и Казахстане.

Социально-экономическая динамика и востребованность человеческого потенциала в современном мире во многом зависят от уровня технологического развития и инновационного потенциала государства. Все страны ЕАЭС в той или иной степени испытывают трудности с переходом к инновационному типу экономического роста. Так, в рейтинге экономической сложности стран ЕСІ, прежде всего благодаря высокой доле в экспорте информационно-коммуникационных технологий, транспортных услуг и продукции транспортного машиностроения, наиболее высокие позиции (31 место из 133 по данным за 2020 г.) занимает Республика Беларусь, значительно опережая другие страны Союза (рис. 3). Низкие позиции других стран в рейтинге связаны с преобладанием в их экспорте природных ресурсов, полезных ископаемых. При сравнении стран важно помнить, о том, что расчет рейтинга строится на объемных показателях одного государства и не показывает его долю в общем объеме мирового экспорта.

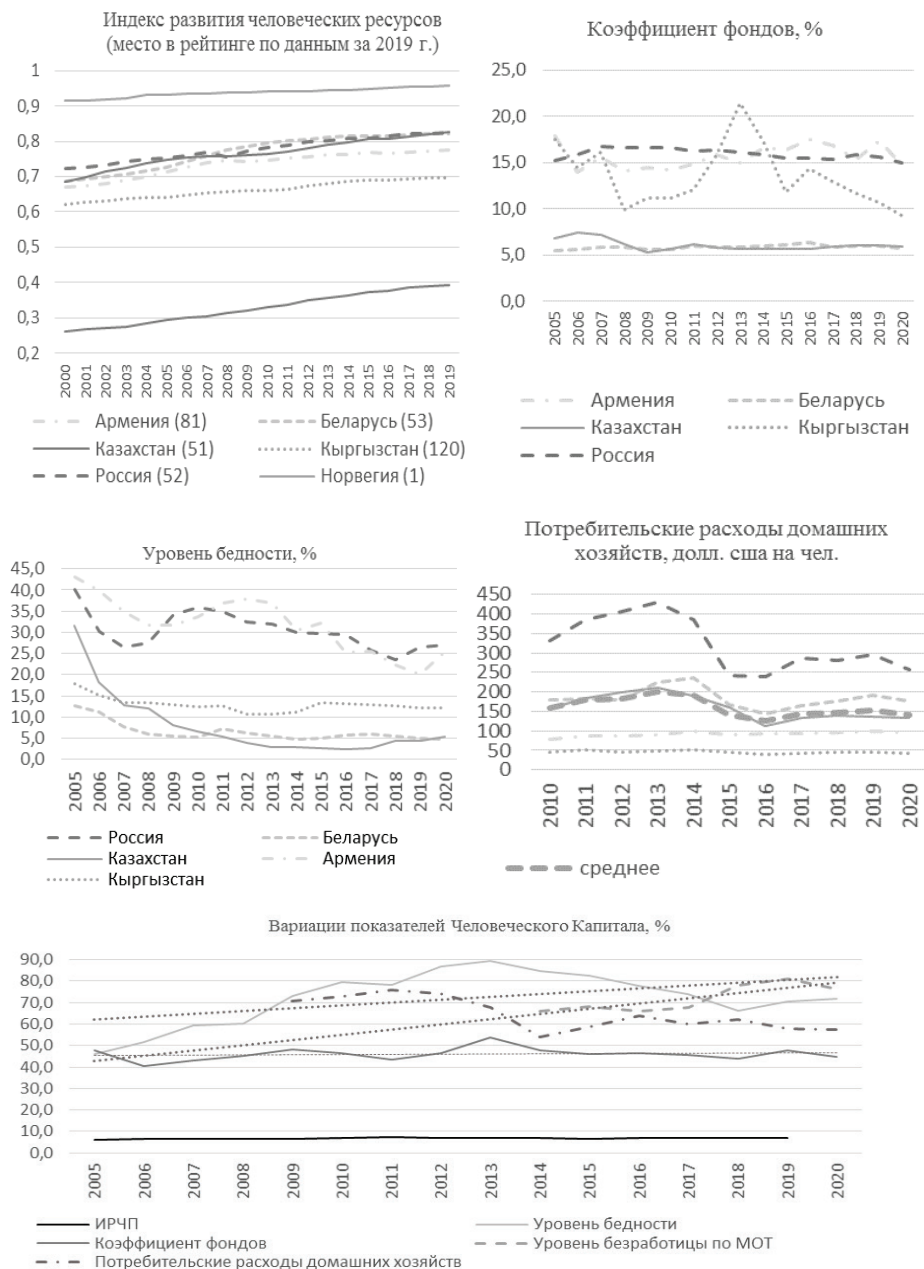

Рис. 2. Показатели, характеризующие человеческий капитал стран-членов ЕАЭС

Источник: рассчитано автором на основе данных: 1) «Отчета о развитии человечества (Human Development Report)», ежегодно издаваемого Программой развития ООН.

URL: <http://hdr.undp.org/en/indicators/137506> 2) данных Департамента статистики ЕАЭС. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/un-ion_stat/Pages/default.aspx.

Динамика показателей, необходимых для формирования инновационной экономики, создания и продвижения новых технологий и высокотехнологичной продукции в странах-членах ЕАЭС чаще отрицательна, либо имеет небольшие темпы роста. Так за 15 лет (с 2005 по 2020 г.) численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками в абсолютном выражении сократилась на 16,5% в России, на 15,2% в Беларуси, на 34,7% в Армении; в Казахстане и Кыргызстане, напротив, произошел рост на 19,8% и 43,2% соответственно. При этом рост и снижение в большей степени ассоциированы с демографическими процессами, так как доля данной категории персонала в общей численности населения во всех странах, кроме России, осталась неизменной (сократилась с 0,6% до 0,5%).

Рис. 3. Показатели, характеризующие институциональную среду стран-членов ЕАЭС

Источник: рассчитано автором на основе данных: 1) «Атлас экономической сложности (Atlas of Economic Complexity)», ежегодно издаваемого Лабораторией роста Гарвардского университета. URL: <https://atlas.cid.harvard.edu/rankings> 2) данных Департамента статистики ЕАЭС. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/union_stat/Pages/default.aspx

Во всех странах Союза крайне низкая доля внутренних затрат на научные исследования и разработки, при этом высокий коэффициент вариации (> 80—

100%) с четким трендом дивергенции, в основном за счет снижения данного показателя в Беларуси, Кыргызстане и Казахстане.

Наименьший объем инвестиций в основной капитал в Кыргызстане и Армении. Достаточно близки друг к другу не только по объемам, но и по темпам изменений объемы инвестиций в России, Казахстане и Беларуси, однако динамика волнообразна и периоды роста чередуются с периодами снижения.

Такая динамика институциональной среды негативно влияет на темпы модернизации и развитие инновационного потенциала в странах Союза, а также является причиной отсутствия заметного прогресса в обновлении основных фондов — одной из острых проблем в большинстве стран постсоветского пространства.

Процессы освоения территории и формирования агломераций, которые являются опорными точками экономического и инновационного развития за счет концентрации финансового, человеческого, производственного и иных видов капитала, происходят в странах ЕАЭС столь же неравномерно. Несмотря на то что Армения занимает всего 0,2% от общей территории ЕАЭС — она стоит на первом месте по плотности населения (99,6 чел./км²), что в 11,6 раза больше, чем в России, и в 14,4 раза больше, чем в Казахстане.

Тем не менее, кроме столиц (с населением более 1 млн человек) в Армении, а также в Беларуси и Кыргызстане, большинство городов этих государств относятся к крупным (с населением до 250 или 500 тыс. человек), в то время как в России — 16 городов-миллионников и 23 крупнейшие городские агломерации. В Казахстане 3 города-миллионника и 2 города с населением более 500 тыс. человек. Крупные города и городские агломерации формируют центры притяжения для населения благодаря развитой инфраструктуре, наличию образовательных и научных центров, технопарков, рабочих мест и далее создают новые импульсы для экономического роста.

Социально-экономическое развитие пространства и в целом экономическая динамика стран и интеграционных объединений во многом зависит от состояния и перспектив развития инфраструктуры, к которой прежде всего относятся транспортная, энергетическая и информационно-телекоммуникационная компоненты.

Состояние и развитие транспортной инфраструктуры в странах ЕАЭС также происходит неравномерно (рис. 4), причем часть ограничений развития обусловлены географическими причинами (рассмотрено выше).

Среди особенностей развития железнодорожной инфраструктуры важно отметить, во-первых, слабую динамику развития транспортной сети (общего пользования) железных дорог, ее плотность практически не меняется во всех странах ЕАЭС. Наибольшая плотность железных дорог в Беларуси (26,4 км / 1000 км²) и Армении (23,64 км / 1000 км²). Наименьшая — в Кыргызстане (2,12 км / 1000 км²); России (5,05 км / 1000 км²) и Казахстане (5,89 км / 1000 км²), при этом основная

причина низкой плотности дорог в России и Казахстане — большая площадь этих стран и неравномерное освоение территории. Во-вторых, отсутствие высокоскоростных и скоростных магистралей — скоростные железные дороги есть только в России, но их удельный вес очень мал.

Подобным же образом обстоят дела с инфраструктурой автомобильного транспорта: крайне низка плотность автомобильных дорог в России (89 км / 1000 км²), Кыргызстане (94 км / 1000 км²) и Казахстане (35 км / 1000 км²); при этом в России и Казахстане есть положительная динамика доли автомобильных дорог первой категории, в то время как в остальных странах Союза она остается на низком уровне⁴.

Развитие транспортной инфраструктуры важно как для повышения связности территорий внутри Союза, так и для наращивания участия в международных перевозках. Несмотря на то что в настоящий момент основная доля грузооборота между Азией и Европой осуществляется морским путем, актуальность развития наземной инфраструктуры (автомобильных дорог и железнодорожных путей) в странах ЕАЭС остается высокой. Кроме того, как показывает мировой опыт, строительство транспортной инфраструктуры (в том числе транспортно-логистических хабов) является сильнейшим драйвером развития экономики.

Вариация стран Союза по объемным показателям высока: так, по грузообороту — около 200%, что объясняется серьезным отрывом значений показателя России от других стран ЕАЭС (в наибольшей степени — от Армении и Кыргызстана). Однако динамика вариации стабильная. В целом грузооборот стран ЕАЭС имеет положительный тренд, более того растет доля Казахстана в общем объеме стран ЕАЭС, так с 2005 по 2020 г. рост грузооборота Казахстана увеличился в 2 раза.

Аналогично высокая вариация без трендов конвергенции и дивергенции по причине серьезного отрыва значений России — по показателю производства электроэнергии. Российская энергетическая система по мощности превосходит все системы стран ЕАЭС в 10–30 раз и превосходит внутренние потребности России более чем в 2 раза [26. С. 35]. Важным механизмом выравнивания стран в этом аспекте традиционно считается создание общего электроэнергетического рынка, который концептуально формирует пространство общих интересов всех стран-членов Союза, так как имеет широкий спектр эффектов для населения, промышленности и каждого государства в целом, в том числе — в сфере энергетической безопасности.

Развитие информационно-коммуникационной инфраструктуры, информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) дают в XXI веке государствам уникальные возможности для интенсивного экономического развития, даже

⁴ Аналитический доклад «Мониторинг качества предоставляемых транспортных услуг в соответствии с индикаторами, определенными Рекомендацией Евразийской экономической комиссии от 03.12.2019 № 41». — Москва, 2020. — URL: https://eec.eaunion.org/upload/medialibrary/28b/Analiticheskiy-doklad-_Indikatory_-itog-17-11-2020.pdf.

в условиях серьезных ограничений, вызванных дефицитом факторов «первой природы», так как для их развития наиболее важен человеческий капитал.

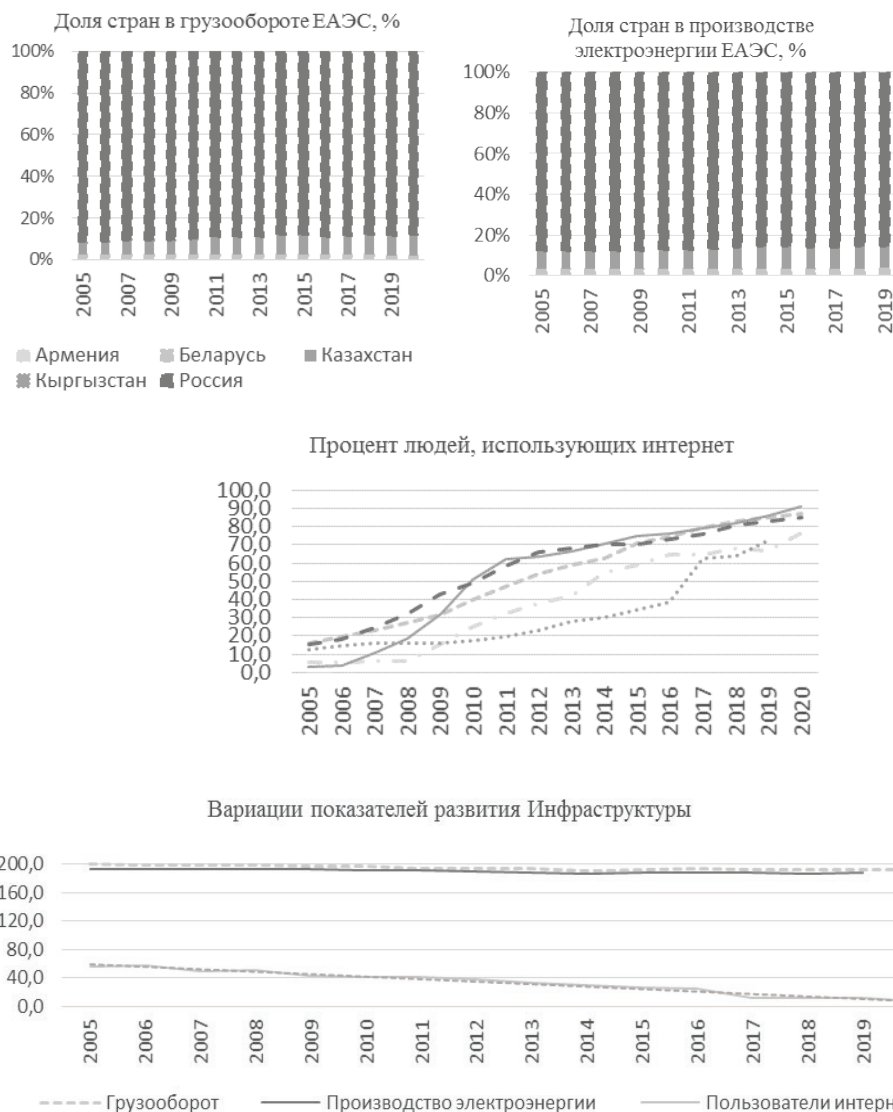

Рис. 4. Показатели, характеризующие инфраструктуру стран-членов ЕАЭС

Источник: рассчитано автором на основе данных: 1) портала EES ЕАЭС. Мировая энергетика. — URL: <https://www.eeseaec.org/energetika-azii-i-okeanii>; 2) данных международного Союза электросвязи ООН. URL: <https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/stat/default.aspx> 3) данных Департамента статистики ЕАЭС. — URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/union_stat/Pages/default.aspx.

В целом в странах ЕАЭС показатели развития информационно-коммуникационной инфраструктуры и технологий непрерывно растут (рис. 4), особенно после пандемии COVID-19, которая подтолкнула потребителей (население, бизнес и государство) к использованию цифровых услуг в разных сферах. Вариация по количеству пользователей интернета имеет четкий тренд конвергенции. Наибольший процент пользователей в России, Казахстане и Беларуси, при этом Казахстан имел наибольшие темпы роста, увеличив количество пользователей интернета с 2005 по 2020 г. в 27,5 раза.

По объему экспорта информационно-коммуникационных услуг существенно опережают Россия (5936,2 млн долл.) и Беларусь (2699,9 млн. долл.), наименьший показатель в Кыргызстане (13,8 млн долл.). Тем не менее доля цифровой экономики в совокупном ВВП ЕАЭС не превышает 3% [27].

* * *

Проведенный анализ позволил выявить не только различия в уровнях социально-экономического развития стран-членов ЕАЭС, но и показал преобладание процессов дивергенции в динамике основных индикаторов развития.

Межстрановое неравенство не единственная и, возможно, не главная причина, препятствующая углублению интеграционных процессов в ЕАЭС. Однако мировой опыт показывает, что любые интеграционные проекты, в которых участвуют разные экономики, сталкиваются с трудностями, вызванными среди прочего различием приоритетов, обусловленных текущим уровнем развития стран-участниц. Поскольку логика любого интеграционного проекта предполагает передачу части суверенитета на наднациональный уровень, сближение экономик стран-членов ЕАЭС — необходимый приоритет, который позволит всем странам на равных содействовать устойчивому экономическому росту, реализуя на принципах паритета интересы всех государств Союза.

Для преодоления наметившихся процессов дивергенции, по тем направлениям, которые являются потенциально важными для экономической динамики, необходимо проводить системные мероприятия, способствующие многостороннему развитию всех стран Союза. Совместные усилия должны быть сосредоточены в области формирования, развития и использования человеческого капитала, решения проблем бедности населения, развития инфраструктурных отраслей (включая наращивание темпов развития информационных технологий), а также создания совместно используемых центров и проектов по производству высокотехнологичных товаров с высокой добавленной стоимостью.

Дальнейшие исследования межстранового неравенства в ЕАЭС могут быть сосредоточены на поиске и систематизации индикаторов развития, в том числе с применением интегральных показателей; на разработке более совершенных эконометрических моделей, учитывающих влияние факторов на динамику неравенства; а также на непосредственной оценке вектора развития, так как сами

по себе процессы конвергенции еще не свидетельствуют о положительной динамике социально-экономического развития стран, поскольку они равно могут наблюдаться как при негативном, так и при позитивном тренде показателя.

Литература

1. Вардомский Л.Б., Соколова Т.В. Социальные детерминанты евразийской интеграции // Мир перемен. 2020. № 1. С. 131–147.
2. Поздеев А.В., Паулов П.А. Проблемы гармонизации и унификации законодательств государств-членов ЕАЭС в рамках таможенной сферы // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 2. С. 207–212.
3. Казакова А.В. Евразийская интеграция: препятствия для развития и пути их преодоления // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2016. № 4. С. 145–154.
4. Fujita M., Krugman P. The new economic geography: Past, present and the future // Papers in Regional Science. 14 January 2005. Vol. 83, Issue 1. P. 139–164. URL: <https://doi.org/10.1007/s10110-003-0180-0>.
5. Евразийская экономическая интеграция: перспективы развития и стратегические задачи для России: докл. к XX апр. междунар. научн. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9–12 апр. 2019 г. / отв. ред. Т. А. Мешкова, Нац. Исслед. Ун-т «Высшая школа экономики» // М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – 123 с.
6. Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г. Региональное неравенство в крупных постсоветских странах // Известия РАН. Серия географическая. 2011. № 1. С. 17–30.
7. Глазьев С.Ю. О стратегических направлениях развития ЕАЭС // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 020. №1. С. 11–30. DOI: 10.22394/2073-2929-2020-1-11-30.
8. Стецко Н.И. Неравномерность экономического развития регионов в теориях пространственной организации экономических систем // Фундаментальные исследования. 2017. № 6. С. 185–189.
9. Гаджиев Ю.А. Зарубежные теории регионального экономического роста и развития // Экономика региона. 2009. № 2. С. 45–62.
10. Хусаинов Б.Д., Нусупов А.И., Жангалиева К.Н. Межстрановое и международное неравенство и экономический рост: оценка и анализ // Уровень жизни населения регионов России. 2017. № 1. С. 76–84.
11. Кормишкин Е.Д., Горин В.А. Воздействие неравенства на экономический рост: теоретические и эмпирические подходы // Инновационное развитие экономики. 2018. № 5 (47). С. 46–51.
12. Дорофеев М.Л. Понятие, классификация и методология измерения социально-экономического неравенства: проблемы и решения // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11. № 5. С. 148–159. URL: <https://doi.org/10/21869/2223-1552-2021-11-5-148-159>
13. Воронов В.В., Лавриненко О.Я., Сташане Я.В. Оценка динамики межрегиональных различий (европейский опыт) // Социологические исследования. 2014. №1 (357). С. 29–39.
14. Eurofound (2018), Upward convergence in the EU: Concepts, measurements and indicators, Publications Office of the European Union, Luxembourg.
15. Горда А.С. Методические подходы к оценке экономического неравенства стран мира // Научный вестник: Финансы, банки, инвестиции. 2019. № 1. С. 132–140.
16. Бедрина Е.Б., Ишуков А.А. Экономическое неравенство в евразийском экономическом союзе и пути его преодоления // VIII Уральский демографический форум «Демографический потенциал стран ЕАЭС» // Екатеринбург, 08–09 июня 2017 г. С. 43–49.

17. Чупина Д.А. К вопросу об углублении регионального неравенства в ЕАЭС // III международная научно-практическая конференция молодых ученых по региональной экономике // Екатеринбург, 29–30 октября 2015 г. С. 424–428.
18. Загазжаева О.З., Сахтуева М.В. Механизм управления территориальными неравенствами и пространственными различиями в региональных социально-экономических системах // Известия Уфимского научного центра РАН. 2011. № 3–4. С. 88–94.
19. Капелюшников Р.И. Неравенство: как не примитизировать проблему // Вопросы экономики. 2017. № 4. С. 117–139.
20. Эгамбердиева Г.А. Перспективы развития туристической отрасли в странах участниках ЕАЭС // Проблемы востоковедения. 2021. № 1. С. 16–22.
21. Eurofound (2018), Upward convergence in the EU: Concepts, measurements and indicators, Publications Office of the European Union, Luxembourg, 2018. — 68 pp. URL: <https://doi:10.2806/68012>.
22. Шатырко А.В., Митрофанова И.А. Инструментальные аспекты измерений и регулирования регионального неравенства // Экономика устойчивого развития. 2014. № 3 (19). С. 212–220.
23. Полякова В.В., Шаброва Н.В. Основы теории статистики // Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. — 148 с.
24. Lanzieri Giampaolo (2017). Demographic convergence in the European Union - A sub-national perspective // International Conference «Demographic Development of Russia in Worldwide Context: Divergence or Convergence?», National Research University - Higher School of Economics, Moscow, 30 November 2017.
25. Шурубович А.В. Евразийская интеграция и экономическая модернизация: роль человеческого капитала // Вестник ИЭ РАН. 2019. № 1. С. 126–143.
26. Алексеенкова Е. ЕАЭС к 2025 г.: приоритеты и ожидания государств-членов // Перспективы развития проекта ЕАЭС к 2025 году. Рабочая тетрадь. Спецвыпуск. // М. НП РСМД, 2017. — 92 с.
27. Экспорт и импорт услуг в Евразийском экономическом союзе (по оперативным данным). Статистический бюллетень. — Евразийская экономическая комиссия, 2020. — 56 с.

Ksenia Zavyalova (e-mail zavialova.ka@uiec.ru)

Leading Economist Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia)

CROSS-COUNTRY INEQUALITY AS A FACTOR HINDERING THE PROCESSES OF FURTHER INTEGRATION IN THE EAEU

The article provides a comparative analysis of the dynamics of the main economic indicators of the EAEU member states, showing a generally high level of cross-country inequality, which is, according to the author, a hindrance to their further integration. With a view of deepening economic integration under the conditions of persistent divergence, the approaches to the formation of relevant socio-economic mechanisms are proposed.

Keywords: Eurasian Economic Union, Eurasian integration, cross-country inequality, economic inequality.

DOI: 10.31857/S020736760025986-3